

МЕСТО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА // Вестник Тю-
менского государственного университета. 2005. № 2. С. 140-145.

Барабаш А.С.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
Красноярского госуниверситета

В процессуальной литературе предшествующего периода, для понимания сущности уголовного процесса выяснялось содержание и соотношение двух понятий «цели уголовного процесса» и «задачи». В редких источниках авторы пытались понять, в чем назначение уголовного процесса, сводя его зачастую к целям.¹ Законодатель, формулируя статьи нового уголовно-процессуального кодекса, отказался от определения задач, не говорит о целях, зато в ст. 6 пишет о назначении уголовного судопроизводства. Оно ему видится в следующем: в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. В этой статье содержится и вторая часть, в которой говорится о том, что «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Определяя назначение уголовного судопроизводства, законодатель выводит его за рамки уголовного процесса, говоря о том, для чего он нужен - это свойство связывается с результатом реализации норм уголовного процесса. Он нужен, в первую очередь, для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, т.е. в данном случае говорится о том, что реализация процессуальных норм должна обеспечить защиту и реализацию уголовных материально-правовых интересов потерпевших. Той же логике подчинен и материал п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК, если его содержание анализировать совместно с содержанием ч. 2 ст. 6, которая ничего нового в понимание назначения уголовно-процессуальной деятельности не вносит. По сути, там разворачивается одно из мест первой части, где говорится о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. Разворачивается, вероятно, в силу остроты нежелательных последствий, которые возникают в случае нарушения прав и законных интересов обвиняемого. Поэтому законодатель счел необходимым подчеркнуть, что любой результат правоприменительной деятельности отвечает назначению уголовного процесса. Данное решение вопроса о назначении уголовного судопроизводства свидетельствует о реализации законодателем, в определенной мере, системного подхода, когда правовые явления рас-

смаатриваются во взаимосвязи с социальными, выявление которых и позволяет понять сущность уголовного процесса.

Введя в уголовно-процессуальный кодекс новое понятие, законодатель акцентирует внимание правоприменителей на том, для чего нужна обществу, гражданам их деятельность. Выше было выявлено материально-правовое назначение уголовного процесса. Этот момент является, безусловно, важным и определяющим, но только им назначение уголовного судопроизводства не исчерпывается. Статье 6 имплицитно еще одно содержание. Это назначение из подразумеваемого, невыраженного следует сделать четким и доступным для каждого правоприменителя. Обществу не безразлично, каким образом в рамках процесса выявляются и защищаются материально-правовые интересы. В данном случае речь идет о том, что не все средства хороши для достижения цели. Фиксация в законе прав участников процесса, необходимость их соблюдения, определяет границу возможного для совершения органами государства действий по расследованию и рассмотрению уголовного дела. Тем самым обеспечивается защита граждан от произвола со стороны органов государства, и, в то же время, деятельность их в этих границах гарантирует реализацию материально-правовых интересов потерпевших и обвиняемых. История развития каждого народа отражается в уголовном процессе как развитие механизмов ограничения возможности произвола со стороны органов государства. Показателен в этом плане один из ее эпизодов. В середине 18 века капитализм во Франции занимал уже довольно прочные экономические позиции, но феодальные общественные отношения затрудняли дальнейшее развитие капиталистического уклада. Буржуазия оставалась отстраненной от политической жизни страны и бесправной. Духовенство и дворянство сохраняли свои старинные привилегии. Промышленность и торговля облагались значительными налогами и сборами, шедшими в основном на содержание дворянства. Правительство неоднократно проводило так называемое «выжимание губок»: разбогатевшего предпринимателя под каким-либо предлогом, большей частью незаконным, заточали в тюрьму и отпускали лишь после внесения им значительного денежного взноса. В условиях полного политического бесправия народных масс имели место вопиющие злоупотребления должностных лиц. Пытки, бессрочное тюремное заключение без всяких к тому законных оснований, незаконная конфискация имущества были повседневным явлением деятельности феодальной администрации, суда. В силу этого особо важным для победившей буржуазии было оградить себя от произвола и злоупотребления со стороны административных органов, закрепить гарантии личных прав и свобод.

Как закрепление результатов буржуазной революции в 1789 г. Учредительное собрание Франции приняло важнейший конституционный документ того времени: «Декларацию прав человека и гражданина». Много места в Декларации было отведено установлению в стране законности и правопорядка. В частности, в ст. 7 Декларации говорится: «Никто не может быть

подвергнут обвинению, задержанию или заключению иначе как в случаях, предусмотренных законом и при соблюдении форм, предписанных законом». Это положение ограждало граждан от незаконного задержания и привлечения к уголовной ответственности. Но составители Декларации были бы не последовательны, если бы остановились на этом и отдали осуществление правосудия в руки как судебных, так и административных органов, что и было до революции. Составители Декларации исходили из того, что правовое положение суда, его функции и строго определенный порядок деятельности создают такие преимущества в обеспечении правильного применения норм и укрепления законности в стране, которые не может дать ни одна форма государственной деятельности. Это положение и было закреплено в ст. 9 «Декларации прав человека и гражданина» в следующей формулировке: «Так как каждый человек предполагается невиновным, пока его не объявят по суду виновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго караема законом».

То, что произошло во Франции в 18 в., актуально для России и в наше время, т.к. российская демократия находится еще в младенческом состоянии, тоталитарное прошлое живо в памяти многих россиян. И совершенно нелишне, в этой ситуации, для того, чтобы прошлое вновь не стало настоящим, внедрить в сознание сотрудников правоохранительных органов понимание того, чему они должны служить. В этом плане ценность процесса для общества, социальное назначение его заключается в подчинении деятельности органов государства при расследовании и рассмотрении уголовного дела интересам защиты и реализации законных уголовно-процессуальных прав участников процесса. Это сугубо процессуальное назначение оформляет уголовно-процессуальную деятельность, задает ей рамки, границы вторжения органов государства в защищенные Конституцией права человека и гражданина, определяет основания, при котором это становится возможным. Только последовательная защита в процессе законных прав и интересов участников является гарантией выявления, защиты и реализации их материально-правовых интересов. Таким образом, законодатель видит назначение уголовного процесса в том, чтобы оградить граждан от произвола со стороны органов государства, т.к. в уголовном процессе именно от последних зависит соблюдение и реализация законных прав и интересов участников процесса. Безусловно, эта роль очень важна, особенно учитывая историю России, в которой человек рассматривался, как правило, в качестве средства. Новое время по-другому расставило акценты. В ст. 18 Конституции России права и свободы человека и гражданина объявлены высшей ценностью, именно они, их соблюдение определяют смысл, содержание и применение законов всеми ветвями власти. Не человек для власти, а власть для человека, вот новый смысл, отраженный в ст. 6 УПК РФ.

Анализ текста статьи 6 УПК РФ выявил один конструктивный недостаток: в тексте не дифференцированы назначения, связанные с защитой материально-правовых интересов и процессуальных, в силу чего назначение, связанное с необходимостью защиты граждан от произвола органов власти, оказалось затушеванным. Для устранения этого недостатка предлагаем статью 6 оформить таким образом, чтобы в одной части говорилось о защите материально-правовых прав и интересов, а в другой – процессуальных.

Рассматривая вопрос о назначении уголовного процесса с подачи законодателя, мы в первую очередь речь вели о том, что связано с защитой прав и законных интересов граждан. Такой акцент вполне оправдан, но можно ли только к этому свести назначение уголовного судопроизводства? Уголовный процесс, в той или иной форме, существовал задолго до того, как члены общества осознали ценность прав человека и гражданина, следовательно, он имел значение до и помимо выявленного. Оно, как тогда, так и сейчас, состоит в том, что процесс необходим государству и обществу как средство, используя которое становится возможным защитить общие интересы, уберечь общество от преступных проявлений. Это достигается тем, что государство возлагает на свои специально созданные органы обязанность в каждом случае совершения преступления возбуждать уголовное дело, расследовать и рассматривать по существу. Забывая это назначение, мы из крайности, свойственной советскому периоду развития уголовного процесса, когда превалировали государственные интересы при реализации уголовно-процессуальной деятельности, бросаемся в другую, видя назначение уголовного процесса только в соблюдении частных интересов. В советское время процесс был официальным, должен ли он сейчас стать частным? Думается, нет. Дело законодателя не выпячивать одно назначение за счет другого, а найти между ними разумный баланс,² который и сделает процесс по-настоящему публичным. Именно степень зрелости общества, осознание им своих общих интересов позволяет четко сформулировать и добиться закрепления тех прав человека и гражданина, которые должны соблюдаться органами государства при осуществлении деятельности по расследованию и рассмотрению уголовных преступлений. Баланс между указанными назначениями зависит от соотношения сил общества и государства: там, где государство всевластно, где отсутствует оппонент, судьба первых из обозначенных начал может быть незавидна, ситуация меняется, когда общество консолидируется. Следовательно, и это назначение должно быть закреплено в законе.

Итак, нами уже выявлено три назначения уголовного судопроизводства, но и на этом мы не считаем возможным поставить точку. Рассмотренные назначения в той или иной мере присущи любому процессу, но в демократическом обществе подлинной ценностью должен стать каждый человек, что должно находить отражение и в уголовном процессе. Для того чтобы понять, о чем идет речь и в этом случае, мы должны выйти за рамки уголовного процесса, сделать предметом анализа систему криминалистических отраслей

права с позиций тех ожиданий, которые должны возлагаться на них обществом. Такой анализ приводит к выводу о том, что результатом применения норм этих отраслей должно быть возвращение в общество человека, принявшего его ценности, социализированного. Подобного результата не добиться в рамках уголовного процесса в силу той причины, что о воспитательном воздействии можно говорить тогда, когда достоверно установлен факт совершения преступления, и лицо, совершившее его. Реализация норм уголовного процесса создает основания, дает материал для криминалистических отраслей права, использование которого в их рамках должно соответствовать ожиданиям общества. Следовательно, еще одно назначение уголовного судопроизводства заключается в том, чтобы создать условия, обеспечить такую возможность применения норм уголовного и уголовно-исполнительного права, в результате которого у лица, совершившего преступление, было бы сформировано чувство ответственности.³

Все предложенные назначения уголовного судопроизводства можно принять только в том случае, если они не противоречат, взаимодействуя друг с другом, отражают весь спектр ожиданий, которые возлагаются обществом на реализацию норм уголовного процесса. Выше уже была показана взаимосвязь и взаимообусловленность назначений, связанных с защитой материально-правовых и процессуальных прав и законных интересов, обозначена взаимосвязь последних с другим назначением, в силу которого уголовный процесс ценен для государства и общества как средство, использование которого – важнейший фактор сдерживания преступности. Последнее из выделенных нами назначений создает условия для будущего позитивного развития как лица, совершившего преступление, так и общества, в которое он возвратится после реализованного, в определенных условиях, воспитательного воздействия. Следовательно, воплощение в жизнь этого назначения – защита на будущее прав и законных интересов граждан и организаций, а также и общества. Сформированное чувство ответственности у правонарушителя и в интересах последнего, так как позволяет ему успешно строить свою жизнь в социуме, не подвергаясь мерам принуждения. Чтобы быть правильно понятыми, еще раз подчеркнем, что сформированное чувство ответственности у правонарушителя – это то назначение, которое должно быть реализовано в рамках системы криминалистических отраслей права. В уголовном процессе оно не реализуется, его назначение создать оптимальные условия для этого.

Настало время предложить новую редакцию ст. 6 УПК РФ. Предлагая эту редакцию, нельзя исходить из того, что одно из назначений более важно, чем другие и поэтому должно быть закреплено в первой части. Все они важны, но исходя из того, что реализация отдельных непосредственно подчинена задаче создать условия для реализации назначения норм уголовного права, о них нужно говорить в первую очередь. Итак:

1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) создание условий для защиты материальных прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и лиц, совершивших эти преступления;

2) создание условий для формирования в последующем у лица, совершившего преступление чувства ответственности.

2. Назначение уголовного судопроизводства заключается так же в том, что:

а) оно используется как средство реагирования на каждый факт совершенного преступления, средство его раскрытия и судебного рассмотрения;

б) и как средство защиты граждан от произвола органов государства при осуществлении последними уголовно-процессуальной деятельности.

Предложенная редакция ст. 6 и ее обоснование находят определенное подтверждение в тексте ст. 2 одного из проектов УПК Российской Федерации. Авторы проекта видели назначение процесса «в защите личности, общества, государства от преступлений путем восстановления нарушенного преступлением правопорядка; защите личности и общества от злоупотреблений государственной властью и самоуправных действий в связи с совершенным или предполагаемым преступным деянием, в частности, защиту каждого от произвольного, помимо надлежащей правовой процедуры, применения к нему мер процессуального принуждения и других средств государственной власти».⁴ Приведенный текст почти полностью укладывается в содержание ч. 2 предлагаемого нами проекта ст. 6 УПК. Но именно это «почти» заставляет нас сделать оговорку. Используя уголовный процесс как средство защиты личности, общества и государства от преступлений, вряд ли правильно возлагать на него надежды как на средство восстановления нарушенного правопорядка. То, что было нарушено преступлением, в отдельных случаях уже не восстановимо. Умершего не воскресить, пошатнувшееся здоровье средствами уголовного процесса не поправить, стоимость испорченного, утраченного имущества можно возместить, но этим его не восстановишь. Если отвлечься от последствий преступлений и вспомнить, что любое преступление рвет сложившиеся в обществе позитивные связи и отношения, то и здесь о восстановлении правопорядка средствами уголовного процесса не приходится говорить. Не для этого он. Когда же речь идет о защите от злоупотреблений органов государства, то иметь здесь стоит в виду только граждан, а не общество, т.к. последнее в данном случае субъектом защиты не является, о чем в конце анализируемого предложения свидетельствуют и сами проектировщики.

Выше уже говорилось о том, что очень немногие авторы специально обращались к исследованию социального назначения уголовного судопроизводства. В наиболее завершенном виде понимание назначения уголовного судопроизводства мы находим в одной из статей Н.Г. Стойко. На анализе его позиции необходимо остановиться отдельно, т.к. между нашим и его подхо-

дом есть серьезные расхождения. Правильно считая, что социальное назначение уголовному судопроизводству задается уголовным правом, он выделяет такие назначения как: а) реагировать на преступления; б) восстанавливать справедливость; г) урегулировать криминальные конфликты.⁵ Первое из выделенных не вызывает сомнения, чего не скажешь о последующих двух. Опять мы видим предложение о восстановлении, но уже не правопорядка, а справедливости. Отношение к уголовному процессу, как к средству восстановления, выше уже было приведено. Здесь же следует обратить внимание на то, что урегулировать криминальные конфликты можно только восстановив справедливость. Эти моменты неразрывно связаны друг с другом, поэтому достаточно было выделить что-либо одно. В данном случае – урегулирование криминальных конфликтов, в результате чего восстанавливается справедливость. Но более правильно было бы говорить не об урегулировании криминальных конфликтов, а об урегулировании последствий криминальных конфликтов. Урегулировать то, что уже произошло невозможно. Преступление – неправомерный способ разрешения конфликта, и в рамках расследования уголовного дела мы имеем дело с его последствиями. Возможность урегулирования последствий конфликтов в процессе не является всеобъемлющей и допустима только по делам, не представляющим большой общественной опасности, когда затронуты в большей мере частные, а не общие интересы, в силу чего и допускается примирение между потерпевшим и обвиняемым. Главное, что необходимо сделать в рамках процесса – установить моменты, значимые для предотвращения конфликтов в будущем, но это назначение имеет самостоятельный характер, не укладывается в анализируемое и должно отдельно формулироваться. Нельзя отмахиваться от того, что конфликтное напряжение может существовать между участниками процесса во время расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, но не оно определяет суть процесса и его направленность. В отдельных случаях оно будет мешать получить данные, т.к. эмоциональный фон не всегда благоприятная обстановка для получения информации, которая соответствует действительности. Потом, не будем забывать, что не по всем делам у нас может быть процессуальная фигура потерпевшего, в таких случаях говорить об урегулировании последствий конфликта вообще не приходится. Значит, урегулирование последствий конфликта не может быть признано в целом одним из назначений уголовного судопроизводства. Все сказанное позволяет нам утверждать, что из предложенных Н.Г. Стойко назначений уголовного судопроизводства можно оставить только одно.

Проделанный выше анализ решения вопроса законодателем о назначении уголовного судопроизводства, предложений в науке и в проекте, подготовленным Государственным правовым управлением Президента Российской Федерации, показывает, что аргументируемая нами редакция ст. 6 свободна от их недостатков и представляет наиболее оптимальный вариант, отражающий истинное назначение уголовного судопроизводства.

Выявленные назначения позволяют определить место уголовно-процессуальной деятельности в социальной жизни общества и государства. Оправдание существования уголовного процесса заключается в соответствии результата уголовно-процессуальной деятельности и самой деятельности тем ожиданиям, которые с ним связаны. Уловив настроение общества, законодатель должен был четко прописать цели уголовно-процессуальной деятельности. Это необходимо в силу того, что отфиксированное в сознании понимание назначений уголовного судопроизводства отражает мировоззренческую установку, с которой деятель должен подходить к реализации деятельности. Его подход может совпадать с тем, что ждет от него общество, но может и вступить в противоречие с этими ожиданиями. Последнее крайне нежелательно. Для исключения возможного самоуправства и произвола в деятельности исполнителя, для того, чтобы добиться единого подхода к деятельности у всех субъектов и следовало отфиксировать в законе тот результат, к которому должны стремиться органы, чтобы реализовать назначение уголовного судопроизводства. Сделал ли это законодатель и как, если сделал, – предмет самостоятельного исследования.

СНОСКИ:

1. См.: Барабаш А.С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997; Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999; Стойко Н.Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект уголовно-процессуального кодекса РФ//Российский бюллетень по правам человека. Вып. 13. 2000.
2. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990 - 1996 гг. - М., 1997. С. 63.
3. Обоснование этого назначения см.: Барабаш А.С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. С.8-47.
4. См.: Проект общей части УПК Российской Федерации. Государственное Правовое управление Президента Российской Федерации. М., 1994.
5. Стойко Н.Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект уголовно-процессуального кодекса РФ//Российский бюллетень по правам человека. С.85.